

II. Заграничныя впечатлѣнія русскаго лѣсничаго.

I.

Мое завѣтное желаніе сбылося наконецъ: я опять за границей. Едва мелькнулъ силуэтъ нашего часового, зорко охраняющаго границу, едва остался назади маленькій пограничный ручеекъ, какъ, словно по волшебству, кругомъ закипѣла иная жизнь, иная культура и даже какъ будто совершенно иная природа. Поѣздъ медленно подкатилъ къ станціи «Каттовицы». Насъ встрѣтила официальная Пруссія, въ лицѣ желѣзнодорожнаго начальства, жандармовъ, таможенныхъ чиновниковъ и проч.—встрѣтила вѣжливо, свисходительно привѣтливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ какимъ то особеннымъ оттѣнкомъ непоколебимаго исполненія долга и служебной, такъ сказать, суровости. Если бы не тщедушныя, приземистыя фигуры сторожей, солдатъ и другихъ «низшихъ» агентовъ съ явными признаками принадлежности ихъ къ славянскому племени, можно было бы подумать, что мы сразу очутились въ сердцѣ монархіи Фридриха Великаго; только эти низкорослые аборигены наглядно свидѣтельствовали, что мы пока въ предѣлахъ государственной лишь Пруссіи, въ знаменитой Силезіи, печальныя историческія судьбы которой такъ еще памятны.—Послѣ короткой остановки поѣздъ помчался впередъ съ бѣшенною скоростью. Вокругъ насъ кипѣла такая же бѣшпанная дѣятельность:

грохоть паровыхъ машинъ, пламя горновъ, клубы дыма, окутавшего весь горизонтъ, запахъ гари, сѣры и масла, «и стонъ и адъ со всѣхъ сторонъ», говоря словами поэта. Мы неслись по странѣ угля и желѣза—этихъ величайшихъ двигателей современнаго промышленнаго прогресса. Недаромъ Марія Терезія считала страну эту лучшимъ алмазомъ въ своей коронѣ,—хотя и не особенно тщательно вдѣланнымъ, какъ показали послѣдствія.

Спустя часа два картина начала видоизмѣняться: дыму и копоту стало меньше, солнце не горѣло уже заревомъ пожара; стали показываться прекрасно обработанныя поля, богатѣйшія фермы, красивые города и мѣстечки. Особенно картинный видъ мѣстности придавали дороги, густо обсаженныя деревьями, главнымъ образомъ пирамидальнымъ и канадскимъ тополями. Вся страна казалась изячно перевитой этими аллеями, словно широкими зелеными лентами, самыхъ прихотливыхъ тѣней и узоровъ.

Не успѣлъ я разобраться въ своихъ новыхъ впечатлѣніяхъ какъ поѣздъ врѣзался въ дремучій лѣсъ, въ полномъ смыслѣ слова «дремучій», какого я не видалъ на протяженіи всего пути отъ Москвы до границы. Первая особенность, поразившая меня за границей, это, такъ сказать, рациональная спеціализація почвы, дающая возможность извлечь изъ нея максимумъ пользы; здѣсь если лѣсъ, то дѣйствительно лѣсъ; если пахотное поле или лугъ, то дѣйствительно обработанное поле и хорошо расчищенный лугъ; если городъ, то городъ; если пустырь, то дѣйствительно пустырь, изъ котораго ничего взять невозможно. Здѣсь не косятъ въ лѣсу, но на лугахъ не растутъ лѣсъ, въ деревняхъ нѣтъ каменныхъ палатъ, но за то въ городахъ нѣтъ развалившихся хижинъ и бодотныхъ лужъ; здѣсь не обрабатываютъ подъ пашни—скалы и сыпучіе пески, но нѣтъ клочка „пустопорожней“ земли, обладающаго мало-мальской производительной способностью. Однимъ словомъ, говоря фигурально, здѣсь не пытаются драть двѣ шкуры съ одного звѣря, но одну сдерутъ непременно и сдерутъ по всѣмъ правиламъ науки. Очувившись въ нѣмецкомъ лѣсу, я подумалъ, что, пожалуй, не только утонченныхъ хозяйственныхъ манитуляцій намъ приходится искать за границей, но также и «настоящихъ», могучихъ высокоствольныхъ лѣсовъ, съ которыми наше поколѣніе знакомо болше по поэтическимъ сказаніямъ, до по учебникамъ лѣсоводства. Мое предположеніе оправдалось въ послѣдствіи. Дѣйствительно, не въ дѣбряхъ Архангельской или Олонецкой губерній,

находятся нынѣ подобныя лѣса; ихъ можно встрѣтить лишь на Западѣ среди кипучей культурной жизни и среди экономическихъ условій, наименѣе, повидимому, благоприятствующихъ «сбереженію» древесной растительности.

Уже вечерѣло, когда поѣздъ остановился на станціи «Оппельнъ» — мѣстѣ первой моей продолжительной остановки. Оппельнъ (ветарину—Ополе) одинъ изъ трехъ главныхъ городовъ Силезіи. Въ административномъ отношеніи означенная провинція дѣлится на три «губерніи»: *Regierungsbezirk*), носящія названія по главнымъ городамъ: Лигницъ (Нижняя Силезія), Бреславль (Средняя Силезія) и Оппельнъ (Верхняя Силезія). Я рѣшился остановиться долѣе въ этой послѣдней единственно потому, что тамошній оберфорстмейстеръ г. Гузе мой литературный знакомый, на любовь котораго я имѣлъ основаніе рассчитывать, и не ошибся въ расчетѣ. Г. Гузе оказалъ мнѣ столь широкое гостепримство, столько сочувствія и просвѣщенной поддержки, что я становлюсь въ тупикъ, чѣмъ мнѣ отблагодарить почтеннаго собрата, какъ выразить ему свою признательность. Я могу лишь засвидѣтельствовать этотъ фактъ передъ лицомъ всѣхъ русскихъ лѣсничихъ. Да послужитъ онъ лишнимъ звѣномъ къ сближенію нашему съ нѣмецкими лѣсоводами на всеобъемлющемъ поприщѣ науки и общаго блага! Благодаря г. Гузе, я успѣлъ довольно подробно ознакомиться съ лѣсами и лѣснымъ хозяйствомъ Верхней Силезіи. Нѣкоторыя данныя, имѣющія болѣе или менѣе общій интересъ, я сообщу читателямъ.

Верхняя Силезія принадлежитъ къ странамъ весьма лѣсистымъ: лѣса занимаютъ здѣсь около 30% всей территоріи. Господствующія породы—хвойныя: сосна, ель, пихта и лиственница. Лиственничныя породы встрѣчаются въ незначительномъ числѣ. Силошныя дубовыя насажденія находятся лишь на берегахъ Одера. Появленіе лиственницы относится ко времени Фридриха Великаго, при которомъ впервые началось разведеніе этой породы. Хозяйство почти исключительно высокоствольное, направленное къ возвращенію древесины высокихъ техническихъ качествъ, такъ какъ мелкіе сартименты не имѣютъ сбыта. Преобладающій оборотъ рубки 120 лѣтній. Устройство смѣшанное—по массѣ и площади. Экономическія особенности заключаются въ крайней деше-

визнѣ рабочихъ рукъ (въ страдное время мужчина—1 марка ¹⁾. женщина—70—80 пфениговъ); но, съ другой стороны, эта дешевизна вызываетъ, по окончаніи полевыхъ работъ, почти поголовную эмиграцію мѣстнаго населенія и нерѣдко случается, что для осеннихъ и зимнихъ работъ въ лѣсу вовсе нельзя найти свободныхъ рукъ. Значительное количество лѣсныхъ матеріаловъ экспортируется отсюда въ сѣверную Германію по Одери и въ Саксонію по желѣзнымъ дорогамъ. Такъ какъ цѣль моей заграничной поездки заключалась въ изученіи способовъ искусственнаго и естественнаго лѣсовозобновленія, то собранныя мною данныя относятся главнымъ образомъ къ этой отрасли хозяйства. Въ хвойныхъ казенныхъ лѣсахъ Силезіи преобладаетъ искусственный способъ лѣсовозобновленія и при томъ исключительно посредствомъ *посѣва*. Этотъ фактъ весьма знаменательный. Извѣстно, что вопросъ о сравнительныхъ достоинствахъ посѣва и посадки былъ долгое время вопросомъ спорнымъ, вызвавшимъ въ Германіи обширную литературу и отразившимся отчасти на лѣсномъ дѣлѣ у насъ. У насъ составилось даже, въ средѣ нѣкоторыхъ лѣсоводовъ, странное мнѣніе, основанное будто бы на заграничномъ опытѣ, что посадка хвойныхъ породъ безусловно рациональнѣе посѣва. Насколько подобное мнѣніе лишено основанія, показываетъ лѣсное дѣло въ Силезіи, гдѣ посѣвъ признанъ лучшимъ и рациональнѣйшимъ способомъ хвойныхъ культуръ. Вообще въ Германіи этотъ довольно праздный вопросъ считается окончательно рѣшеннымъ: за всякимъ культурнымъ способомъ признано полное право гражданства, если онъ даетъ хорошіе практическіе результаты и соответствуетъ мѣстнымъ условіямъ. Тѣмъ болѣе странными кажутся наши доморощенные выводы о достоинствахъ того или другого культурнаго метода, выводы, основанные исключительно на кабинетныхъ мотивахъ, взятыхъ зачастую «не изъ той оперы».

Самый распространенный способъ посѣва въ силезскихъ казенныхъ лѣсахъ заключается въ слѣдующемъ: послѣ рубки данной лѣсосѣки и уборки матеріаловъ, весною производится обработка почвы полосами, помощью мотыгъ. Ширина полосъ 30 сантиметровъ (около ¹/₂ аршина), разстояніе между полосами 1 метръ 60

¹⁾ Марка, по курсу, равняется около 50 коп.; пфенигъ—¹/₂ коп.

сантиметровъ (около 2¹/₂ аршинъ). Высѣвъ сѣмянъ производится рукою, послѣ чего полосу проходятъ граблями. Если посѣвъ сдѣланъ въ сухое, жаркое время, то посѣвная полоса прижимается еще проходомъ катка. Всего высѣвается на гектаръ 7 килограммовъ сѣмянъ (16—17 фунт. на десятину). Общая стоимость культуры, со включеніемъ сѣмянъ, составляетъ среднимъ числомъ 52 марки за гектаръ (около 25 руб. за десятину). Всѣ лѣсосѣки, культивированныя подобнымъ способомъ, представляютъ прекрасныя насажденія; «дополненія»—эти хроническіе недуги нашихъ культуръ—производятся, сравнительно, въ незначительныхъ размѣрахъ. Травокошеніе между полосами происходитъ до тѣхъ поръ, пока культура не начнетъ смыкаться. На почвахъ песчаныхъ, истощенныхъ, практикуется особый видъ борозднаго посѣва, въ узенькія канавки, такъ называемый *Rillensaar*. Особенность его заключается въ томъ, что сѣмена высѣваются не во всю ширину полосы, а въ узкую канавку, сдѣланную посрединѣ полосы обыкновенной тачкой; сѣмена кладутъ тщательно въ одинъ рядъ и покрываютъ просѣянной компостной землей, послѣ чего снова тачкой проходятъ засѣянную канавку. Результаты этого способа также довольно удовлетворительны, хотя вслѣдствіе истощенности почвы, ростъ сѣянцевъ до 12—15 лѣтъ бываетъ крайне медленный.

Любуясь этими прекрасными хвойными посѣвами, невольно задаешь себѣ вопросъ: какія такія таинственныя причины дѣлаютъ успѣхъ ихъ неизмѣннымъ, неукоснительнымъ? По ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что причины эти очень просты, что дарчикъ просто открывался. Вотъ онѣ: 1) тщательная обработка почвы и доброкачественность сѣмянъ; 2) плодородіе почвы, обусловливаемое тѣмъ, что посѣвъ производится *немедленно* послѣ рубки стараго насажденія, когда верхній плодородный слой не успѣлъ еще разложиться и израсходоваться на разные сорные кустарники и травы; 3) отсутствіе всякой тенденціи къ удешевленію работъ, на счетъ ихъ качества и вѣроятности успѣха и наконецъ 4) добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, начиная отъ сторожа и кончая оберфорстмейстеромъ. Сбереженіе и утилизація почвеннаго назема—главное условіе успѣха культуръ. Мы, въ Россіи, своей системой сплошныхъ вырубокъ, не соединенныхъ тѣсно съ культурами, безумно растрачиваемъ этотъ драгоценный, вѣками накопившійся, капиталъ и удивляемся потомъ, что наши лѣсохозяйственныя мѣропріятія оказываются неудачными. Наши лѣсничіе

не сознають еще громаднаго значенія этой, такъ сказать, «экономіи назема», ссылаясь на массу примѣровъ, что сплошныя лѣсосѣки, не смотря на истощеніе ихъ сорною растительностью, тѣмъ не менѣе, лѣтъ черезъ 20 — 30 покрываются вновь лѣсомъ и представляютъ прекрасныя молодыя насажденія. Но подобныя примѣры доказываютъ лишь присутствіе громадныхъ запасовъ назема въ почвѣ, которая, быть можетъ, впервые въ историческую эпоху была сплошь обнажена отъ лѣса; если повторится такой же процессъ при слѣдующей рубкѣ, если почва еще разъ подвергнется такому истощенію, то врядъ ли облѣсеніе послѣдуетъ такъ легко. Массу поучительныхъ въ этомъ отношеніи фактовъ представляютъ наши среднія губерніи, съ ихъ обширными лѣсными пустырями, истощенная почва которыхъ ставитъ непреодолимыя преграды не только естественному, но и искусственному лѣсовозобновленію. А будь эти пространства своевременно закультивированы, будь разумно утилизируются почвенный наземъ, оставшія послѣ вырубленнаго насажденія, — не было бы и слѣда этихъ обширныхъ пустынь. Тенденція удешевленія работъ во чтобы то ни стало оказываетъ крайне вредное вліяніе въ культурномъ дѣлѣ и благодаря отсутствію этой тенденціи, Германія имѣетъ прекрасныя лѣсныя культуры. Экономія — вещь хорошая и совершенно необходимая въ хозяйствѣ, но экономія именно *хозяйственная*, отнюдь не техническая, ради которой данная работа исполняется сознательно дурно и не достигаетъ предположенной цѣли. Если на культуры нѣтъ денегъ или онѣ должны обойтись дороже, чѣмъ дозволяютъ финансовыя условія даннаго хозяйства — вполне рационально вовсе не производить культуръ, но уже вовсе нераціонально удешевить работы до *pes plus ultra* и въ итогѣ получить нуль или нести безконечныя траты на всевозможныя дополненія и оправки. Подобная «экономія» особенно опасна при началѣ дѣла, когда нѣтъ еще ни опыта, ни практическихъ знаній, когда, такъ сказать, ошупью приходится вступать на путь правильнаго лѣсовозращенія; она можетъ оказать очень плохую услугу, подорвавъ довѣріе къ техническимъ мѣропріятіямъ, приучивъ въ распущенности и небрежности работъ, что близко граничитъ со всякимъ «упрощеніемъ». Упрощать логично еще тамъ, гдѣ есть уже результаты, достигнутыя сложными и трудными путями, но начинать съ «упрощенія» — это все равно, что строить деревянный мостъ тамъ, гдѣ есть сомнѣніе, выдержитъ ли желѣзный? Нѣмцы, при всей своей

экономіи, не вѣдаютъ такихъ комбинацій и не поступятся ни одной мелочью, ни одной частностью, ради сокращенія расходовъ, если эта мелочь въ какомъ бы то ни было отношеніи можетъ содѣйствовать успѣху культуръ. Все это очень просто и логично, но горе человечества въ томъ, что самыя простыя истины труднѣе всего пробиваются на свѣтъ Божій.

Кромѣ посѣва, въ силезскихъ лѣсахъ производится и посадка хвойныхъ породъ, но лишь въ слѣдующихъ случаяхъ: при дополненіяхъ, на слишкомъ истощенныхъ почвахъ и при разведеніи экзотическихъ растений. Способы посадки самыя разнообразныя, вполнѣ зависящія отъ условій данной мѣстности. Заслуживаютъ вниманія: а) посадка на пластахъ, примѣняемая на запущенныхъ лугахъ и вообще на плотныхъ, задернѣлыхъ почвахъ; пласты приготавливаются осенью, кладутся дерномъ внизъ и остаются до весны; самая посадка производится коломъ, зачастую съ присыпкой въ ямку компостной земли; б) посадка 1—2 лѣтними сѣянцами подъ колъ, съ присыпкой въ ямку песка (на глинистыхъ и торфяныхъ почвахъ); песокъ оказываетъ полезное дѣйствіе, какъ регуляторъ минеральнаго состава почвы, въ первые годы жизни растенія; в) посадка съ маленькими глыбками непосредственно на почву, съ обсыпкой саженцевъ пескомъ. Этотъ способъ примѣняется съ большимъ успѣхомъ на низменныхъ и сырыхъ мѣстахъ (напр. осушенныхъ торфяникахъ). Глыбки не формируются лопатой, а представляютъ клочки земли, оставляемые около корней сѣянцевъ при выемкѣ ихъ изъ питомника. Особенность посадокъ заключается, между прочимъ, въ употребленіи сравнительно весьма молодыхъ сѣянцевъ и саженцевъ. Сосна высаживается на культурную площадь не старше 1 года, рѣдко 2 лѣтъ, прямо изъ питомника, ель 2—3 лѣтъ также большею частью изъ питомника, безъ пересадки въ школу. Питомники, главнымъ образомъ, временные; почва ихъ рѣдко удобряется; равнымъ образомъ только въ исключительныхъ случаяхъ примѣняются поливка и защита отъ солнечныхъ лучей.

Успѣху культуръ въ силезскихъ лѣсахъ очень много способствуетъ принципъ возвращенія смѣшанныхъ насажденій, неуклонно примѣняемый. Даже на почвахъ абсолютно песчаныхъ, годныхъ повидимому исключительно для сосны, эта послѣдняя порода возвращается въ смѣси съ елью. Ель, разумѣется, растетъ плохо, образуетъ лишь подлѣсокъ, нерѣдко кустарнаго вида, но благо-

даря именно этому подлѣску, защищающему почву, главная порода растетъ замѣчательно хорошо. Я воочию убѣдился въ громадномъ значеніи подлѣска, сравнивая два смежныя разновозрастныхъ сосновыхъ насажденія—чистое и съ еловымъ подлѣскомъ. Второе *всегда* отличается отъ перваго своимъ веселымъ крѣпкимъ видомъ. Вообще возвращеніе смѣшанныхъ насажденій стало въ Германіи лѣсохозяйственной аксіомой, о непреложности которой трактуется развѣ въ самыхъ элементарныхъ сочиненіяхъ.

Хотя наиболѣе покровительствуемой породой признается здѣсь сосна, тѣмъ не менѣе при всякомъ удобномъ случаѣ силезскіе лѣсничіе стремятся развести дубъ, имѣющій, помимо своихъ высокихъ техническихъ качествъ, невыразимое обаяніе для нѣмцевъ, обаяніе поэзіи, традиціи и національнаго культа. Самый распространенный способъ разведенія дуба состоитъ въ томъ, что на лѣсосѣкахъ, съ маломальски подходящей почвой, высаживаются дубовые саженцы *группами*, въ возрастѣ 4 — 5 лѣтъ. Подобная манипуляція производится большею частію тогда, когда лѣсосѣка покрыта уже хвойнымъ молоднякомъ, благодаря естественному облѣсенію или культурѣ. Видъ такой лѣсосѣки весьма оригиналенъ: почва покрыта молодыми хвойными растеніями, еле возвышающимися надъ ея уровнемъ, а тамъ и сямъ стоятъ группы сравнительно высокихъ дубовыхъ саженцевъ, словно свѣтлозеленые перелѣски на темномъ фонѣ картины. Неоспоримое преимущество подобнаго способа культуры дуба, вводимаго въ лѣсосѣку въ качествѣ почетнаго гостя, состоитъ въ томъ, что эти группы ясно обозначаются, легко слѣдить за ними и своевременно опарывать, что при другомъ размѣщеніи саженцевъ врядъ ли было бы столь удобно. Дубъ разводится также сплошными насажденіями, вдоль линій желѣзныхъ дорогъ, съ цѣлью защиты хвойнаго лѣса отъ искръ локомотива. Ширина защитныхъ полосъ не болѣе 10 сажень. Гдѣ почвенныя условія препятствуютъ разводить дубъ, тамъ мѣсто его заступаетъ береза. Природныя дубовыя насажденія, расположенныя по берегамъ Одера, а также примѣняемыя въ нихъ культурныя манипуляціи,—не представляютъ интересныхъ особенностей. Можно упомянуть только, что низменныя мѣста, заливаемыя весенней водой, находятся подъ дубовымъ низкоствольникомъ, эксплуатируемомъ при 18 лѣтнемъ оборотѣ рубки.

Опыты акклиматизаціи чужестранныхъ древесныхъ породъ практикуются систематически и въ довольно обширныхъ размѣ-

рахъ, по иниціативѣ центрального лѣснаго управленія. Обильный матеріаль для этихъ опытовъ представляетъ Сѣверная Америка, съ ея безчисленными разновидностями лиственныхъ и особенно хвойныхъ породъ, легко приспособляющихся къ климату средней Европы. Изъ числа вполне акклиматизировавшихся породъ слѣдуетъ отмѣтить: *Pinus strobus*, *Pinus rigida* (единственное хвойное дерево, дающее поросль отъ пня), *Pinus Jeffreyi*, *Juglans nigra*, разные виды *Caria* и друг. Особенно поразилъ меня своимъ быстрымъ ростомъ американскій кленъ (*Acer Californicum*). Онъ даетъ побѣги до 2 метровъ высоты, такъ что на третьемъ году саженецъ превышаетъ уже человѣчскій ростъ. Означенныя породы не только красуются въ питомникахъ и школахъ силезскихъ лѣсничествъ, но и высаживаются въ лѣсъ, которому придаютъ картинное разнообразіе. Вообще культура экзотическихъ растений, независимо научныхъ и практическихъ цѣлей, имѣетъ немаловажное значеніе, какъ элементъ красоты, которому и нынѣ, не смотря на всеобщее господство утилитарныхъ идей, нѣмецкій народъ не перестаетъ воздавать должную дань поклоненія. Если подъ вліяніемъ духа времени въ частной жизни культъ красоты уступаетъ мѣсто по необходимости культу пользы и наживы, за то еще болѣе широкія требованія предъявляются къ нему въ учрежденіяхъ и сферахъ общественныхъ и государственныхъ. Чѣмъ менѣе удовлетворяется чувство красоты, въ житейскомъ быту, въ домашней обстановкѣ, тѣмъ настоятельнѣе потребность найти удовлетвореніе этому чувству на улицѣ, на площади, въ полѣ, въ лѣсу. И нѣмецкій лѣсничій не отстаетъ отъ общихъ вѣяній, стараясь изъ всѣхъ силъ внести хотя частичку «идеи красоты» въ свою хозяйственную дѣятельность, считая эту функцію свою не менѣе важной и почетной, чѣмъ опѣнка лѣсосѣкъ или закладка питомника. Если на вопросъ — почему именно примѣнена имъ та или другая хозяйственная мѣра—нѣмецкій лѣсничій отвѣтитъ: потому что такъ красивѣе и изящнѣе, Вы должны вполне удовлетвориться, ибо красота для него такая же цѣль, какъ и другіе факторы лѣснаго хозяйства.

Едва ли можно отрицать разумность подобнаго взгляда, основаннаго на философской идеѣ: все что красиво — полезно, ибо служить къ удовлетворенію извѣстной законной потребности чело-вѣка. Большинство германскихъ лѣсовъ является подтвержденіемъ и выраженіемъ этой идеи. Ихъ лѣсныя постройки, не лишеныя

нѣкоторой художественности, историческіе памятники и естественныя достопримѣчательности, оберегаемыя съ изумительнымъ вниманіемъ и рачительностью, культуры, лѣсосѣвки, даже просѣки и дороги, при видѣ которыхъ ясно чувствуется, что сдѣлано все возможное для достиженія красоты и изящества, безъ излишняго ущерба прямому дѣлу,—все это вмѣстѣ производитъ сильное впечатлѣніе, впечатлѣніе высокой культуры, стремящейся объединить матеріальные интересы съ высшими духовными требованіями человѣческой природы. Нѣтъ ни одного дерева, чѣмъ нибудь замѣчательнаго — размѣрами, формой или долговѣчностью, которое не было бы отмѣчено, огорожено и связано съ какимъ нибудь историческимъ событіемъ, сказаніемъ или просто именемъ. Липа Луизы, дубъ Вильгельма, Гётевское насажденіе, урочище Гейне и т. д. можно встрѣтить нерѣдко. Въ одномъ изъ лѣсныхъ Силезіи есть два великолѣпныхъ дуба, носящихъ названіе, если нѣ ошибаюсь, Карла и Маріи, въ честь старика лѣсничаго и его жены. Съ какимъ умиленіемъ и своего рода гордостью показывалъ мнѣ почтенный лѣсоводъ этотъ живой скромный памятникъ своей трудовой, продолжительной дѣятельности, быть можетъ связанный еще съ самыми счастливыми воспоминаніями давно ушедшей юности! Можно быть вполне увѣреннымъ, что эти деревья не будутъ срублены, не сотрутся ихъ названія и подъ тѣнью ихъ еще многія поколѣнія лѣсничихъ будутъ проводить свои досуги, вспоминая Карла и Марію, то съ улыбкой юности, то съ слезою умиленія подъ старость... Все это кажется черезъ-чуръ сантиментальнымъ, аффектированнымъ, но, право, не заслуживаетъ насмѣшки. Помимо сантиментальности, тутъ много глубокаго смысла.

Самое замѣчательное мѣсто въ Верхней Силезіи, въ лѣсо- и сельско-хозяйственномъ отношеніи, это городокъ Проскау. Въ немъ административный центръ одного изъ важнѣйшихъ лѣсныхъ, при которомъ состоитъ особая нившая школа для образованія ферстеровъ, основанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ, взаимнѣ бывшаго здѣсь земледѣльческаго училища. Благодаря послѣднему обстоятельству, школа имѣетъ прекрасное помѣщеніе и весьма порядочныя учебныя пособія. Преподаваніе исключительно практическое, при 2-лѣтнемъ курсѣ. Ближайшій начальникъ и преподаватель школы—мѣстный лѣсничій. Каждый воспитанникъ платитъ по 30 марокъ (около 15 руб.) ежемѣсячно за столъ и ученіе, но бѣлье и одежду долженъ имѣть собственныя. Воспитанники

исполняютъ всю черную работу въ лѣсу и въ школахъ. Охота считается однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ изученія. По окончаніи курса молодые люди поступаютъ въ дѣйствительную военную службу, въ егерскіе баталіоны, прослуживши въ которыхъ установленный срокъ держатъ государственный экзаменъ и тогда лишь зачисляются въ лѣсную службу. Главный контингентъ учениковъ составляютъ дѣти окрестныхъ ферстеровъ и мелкихъ собственниковъ. Расходъ государства на содержаніе означенной школы составляетъ всего на всего 3000 марокъ (около 1500 руб.) въ годъ. Это маленькое мѣстечко въ то же время центръ хозяйственнаго управленія знаменитой государственной оброчной статьёй — «Domäne Proskau», площадью до 1000 гектаровъ, за которую арендаторъ уплачиваетъ казнѣ ежегодно до 43000 мар. (что составляетъ по нынѣшнему курсу около 24 руб. за десятину). Главная отрасль хозяйства здѣсь — какъ и вообще въ Силезіи — скотоводство. Въ видахъ распространенія рациональныхъ приѣмовъ обработки молочныхъ продуктовъ, въ Проскау находится школа молочнаго хозяйства, основанная на средства Силезскаго Сельско-хозяйственнаго Общества. Въ Проскау, наконецъ, помѣщается знаменитый во всей Германіи Помологическій Институтъ, гдѣ обучаются садоводству и огородничеству 80 юношей. Институтъ этотъ находится въ завѣдываніи государства, которое отпускаетъ на содержаніе его 34000 марокъ (около 17000 руб.) ежегодно. Можно смѣло сказать, что всякому, интересующемуся сельскимъ или лѣснымъ хозяйствомъ, посѣщеніе Проскау и его образцовыхъ учреждений доставитъ не мало пользы и удовольствія.

Въ виду возбужденнаго нашимъ лѣснымъ управленіемъ вопроса о примѣненіи болѣе рациональныхъ способовъ естественнаго возобновленія, я стремился ближе ознакомиться съ этимъ дѣломъ въ Германіи и считалъ, что именно въ Силезіи, въ ея обширныхъ хвойныхъ лѣсахъ, не высокой, сравнительно, пѣнности, я найду образцовое облѣсѣніе вырубокъ естественнымъ путемъ. Но увя, я жестоко ошибся. Я видѣлъ лишь нѣсколько сѣмянныхъ лѣсосѣкъ, съ постепенной рубкой, продолжающейся отнюдь не болѣе пяти лѣтъ, послѣ чего всѣ оголенные мѣста (а ихъ очень много) культивируются посѣвомъ или посадкой. Подобныя сѣмяныя рубки ведутся не въ видѣ систематическихъ хозяйственныхъ мѣръ, а скорѣе по необходимости, въ случаѣ недостатка рабочихъ рукъ для производства культуръ. Почему же естественное

возобновленіе находится въ такомъ пренебреженіи? Отвѣтъ очень простъ: культуры дешевле и при томъ не столь интенсивны, чѣмъ медленныя и сложныя сѣмянныя рубки. Коль скоро естественное лѣсовозобновленіе перестаетъ быть простымъ факторомъ, дѣйствующимъ исключительно въ силу физическихъ законовъ и становится хозяйственной мѣрой, долженствующей принести данные результаты при данныхъ условіяхъ,—тогда мѣра эта является несравнено интенсивнѣе, труднѣе, чѣмъ сплошная культура при сплошныхъ рубкахъ. Легче оказывается срубить однимъ, такъ сказать, взмахомъ насажденіе и на могилѣ его возвести новое, не имѣющее ни малѣйшей связи съ погибшимъ, чѣмъ вмѣшаться въ жизненный процессъ лѣса, проникнуть во всѣ его тайны, подмѣтить всѣ особенности и заставить его содѣйствовать нашимъ цѣлямъ. Сильно заблуждаются тѣ, кто считаетъ естественное возобновленіе, какъ хозяйственную мѣру, упрощенной, такъ сказать, первичной, формой рациональнаго хозяйства. Пока силы природы дѣйствуютъ совершенно свободно, пока мы довольствуемся тѣмъ, что онѣ намъ дадутъ, или другими словами—пока нѣтъ никакого хозяйства, до тѣхъ поръ естественное лѣсовозобновленіе есть первый и единственный путь, сохраняющій въ томъ или иномъ видѣ лѣса наши. Благодаря естественнымъ силамъ природы, наши лѣсосѣйки кое какъ возобновляются, хотя вмѣсто дубоваго высокоствольника получается порослевый дубъ, вмѣсто сосны—осина; но если мы вздумаемъ предъявить къ этимъ силамъ свои требованія, чтобы дубъ возобновился непременно отъ сѣмени, чтобы за сосной слѣдовала непременно сосна, то сразу встрѣтимся съ задачей, составляющей «внѣнецъ» лѣсоводственныхъ знаній. Большая ошибка, повторяю, считать естественное возобновленіе «простымъ» способомъ. Если нѣмецкіе лѣсоводы не прибѣгаютъ къ нему, то не потому что онъ «простъ» и присущъ лишь первобытнымъ формамъ хозяйства, а потому что *труденъ* и представляетъ во многихъ случаяхъ почти неразрѣшимую проблему. Легче разрушить органическую силу природы или вызвать ее къ дѣятельности, чѣмъ руководить и управлять ею! Лѣсничій тяжкимъ опытомъ убѣждается въ непреложности этого закона.

Условія сбыта здѣсь далеко неудовлетворительны. Благодаря тому, что мелкій матеріалъ не находитъ потребителей, проходныя рубки производятся здѣсь въ крайне ограниченномъ размѣрѣ. Какое сравненіе можетъ быть между спросомъ на лѣсъ и цѣн-

ностью послѣдняго въ Силезіи и напр. въ Московской губерніи, гдѣ каждый почти пруть имѣеть сбытъ. Съ какою завистью слушали силезскіе лѣсоводы рассказы мои о стоимости древесины и условіяхъ сбыта въ московскихъ лѣсахъ, въ которыхъ хозяйство можетъ быть доведено чуть ли не до идеальной степени интенсивности. Но, по понятному чувству, я не очень распространялся объ этой «интенсивности» и вращался болѣе въ области предположеній, намѣреній и желаній, чѣмъ фактовъ, которые, увѣ, подвергли бы непосильному испытанію мою патріотическую гордость. Осматривая одно лѣсничество, отлично организованное, съ великолѣпными, вѣковыми насажденіями, я, къ крайнему своему изумленію, узнаю вдругъ, что оно отстоитъ всего въ 50 верстахъ отъ Ченстохова, а слѣдовательно и отъ «знаменитыхъ» казенныхъ лѣсовъ привислянскаго края, съ плачевнымъ состояніемъ которыхъ я только что познакомился. Какими же чарами обладаютъ нѣмцы, что въ ихъ рукахъ, за пограничной лишь рогаткой, измѣняются, какъ по мановенію волшебнаго жезла, вся культура, весь общественный строй и сама природа? Много думъ, много разнороднѣйшихъ ощущеній переживаетъ лѣсничій, созерцая у этой рогатки лѣса на западѣ и лѣса на востокѣ. Изъ этого хаоса ощущеній ясно выступаетъ одно: лѣсная техника, не смотря на ея научность и высокое современное развитіе, не можетъ двинуть лѣсное дѣло сама собою. Лѣсное дѣло такъ связано тѣсно съ общимъ экономическимъ и социальнымъ строемъ страны, что скорѣе можетъ служить мѣриломъ послѣдняго, чѣмъ однимъ изъ дѣятельныхъ, самостоятельныхъ факторовъ. Мы, лѣсоводы, всегда будемъ въ арріергардѣ культурнаго движенія. Наша роль—слѣдовать неуклонно за главными силами и оберегать ихъ отъ невидимыхъ естественныхъ враговъ, какими являются, между прочимъ, лѣсоистребленіе и нерасчетливое пользованіе лѣсомъ. Роль неблестящая, но немнѣе почетная... Помимо всѣхъ этихъ абстрактныхъ соображеній, нельзя не признать, что лѣсное хозяйство Силезіи для насъ весьма поучительно—и въ отношеніи техническомъ, и еще болѣе по отношенію къ тѣмъ задачамъ и цѣлямъ, которыя преслѣдуетъ государство въ собственныхъ лѣсахъ, находящихся въ экономическихъ условіяхъ далеко болѣе неблагоприятныхъ, чѣмъ многія казенныя дачи нашего отечества.

Выше мною замѣчено, что проходныя рубки производятся здѣсь въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Силезскіе лѣсничіе, виро-

чемъ, не сокрушаются объ этомъ обстоятельстве, такъ какъ деревья, выросшія въ густомъ насажденіи, въ которомъ не имѣли мѣста прорѣживанія, обладаютъ лучшими техническими качествами, чѣмъ деревья, воспитанныя, такъ сказать, періодическими, а особенно «усиленными» проходными рубками, какія вызываются нерѣдко высокою цѣнностью древесины. Потеря доходовъ отъ промежуточныхъ пользованій (потеря фиктивная, ибо продукты означенныхъ пользованій не имѣютъ сбыта) вознаграждается съ лихвой увеличеніемъ дохода отъ главной рубки. Вообще значеніе проходныхъ рубокъ въ финансовомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ—далеко еще не выяснено ¹⁾.

Двѣ недѣли моего пребыванія въ Силезіи прошли незамѣтно и настала часъ прощанія съ ея прекрасными лѣсами и гостепріимными лѣсничими. Благодаря любезному посредничеству г. Гузе, я получилъ приглашеніе отъ д-ра Юдейха посѣтить Тарандскую академію, а кстати и съѣздъ Саксонскихъ лѣсничихъ, который долженъ былъ собраться въ это время (въ половинѣ іюня) въ маленькомъ мѣстечкѣ Динпольдисвальде. Понятно, какъ я обрадовался случаю ознакомиться съ лѣснымъ дѣломъ Саксоніи подъ руководствомъ знаменитаго ученаго. Я снова въ вагонѣ: промелькнулъ Бреславль, Лигницъ, Герницъ, и силою пара я очутился черезъ нѣсколько часовъ въ странѣ интенсивнѣйшей лѣсной культуры. Вотъ Дрезденъ, съ его художественными сокровищами, съ его подвижнымъ, веселымъ населеніемъ; вотъ красавица Эльба, широкою лентою разстилающаяся у подножія Брюллевской террасы... Но о Саксоніи и ея лѣсахъ—до другаго раза.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. Жудра.

¹⁾ Съ этимъ выводомъ уважаемаго автора мы никакъ не можемъ согласиться. Значеніе проходныхъ рубокъ вполне выяснено и если въ Силезіи проходныя рубки ведутся въ крайне ограниченномъ размѣрѣ, то конечно только потому, что экономическія условія, именно недостатокъ сбыта получаемыхъ въ проходныхъ рубкахъ продуктовъ, мѣшаетъ распространенію проходныхъ рубокъ. Если силезскіе лѣсничіе дѣйствительно самоутѣшаются мнимомъ невыгодою прорѣживанія густыхъ насажденій и мнимомъ опасностью «усиленныхъ» проходныхъ рубокъ, то они забываютъ, что въ умѣломъ веденіи проходныхъ рубокъ, умеренныхъ смолоду и усиленныхъ въ старшемъ возрастѣ насажденій, когда ростъ ихъ въ высоту прекратился и почва защищена подѣломъ противъ истощенія, т. е. въ рубкахъ простора, именно не заключается могучее орудіе лѣсовода къ возвращенію въ сокращенный срокъ технически особенно цѣнныхъ формъ ствола.

Ред.